

Она вернулась,
чтобы спасти и покарать

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ДАМСКИЙ ВЫСТРЕЛ

Сергей Павлович Бакшеев

Дамский выстрел

Серия «Светлый демон», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8612807
авторское;
ISBN 978-5-699-65321-8

Аннотация

Профессиональный киллер Светлана Демьянова отправляется в Калининград, чтобы по крупицам восстановить события семилетней давности. Тогда ей было приказано ликвидировать полковника Назарова, «крота» из Службы внешней разведки, но она с заданием не справилась – Назарову удалось уйти. О «позоре» Светланы почти забыли, да и Назарова старались не вспоминать, пока в один прекрасный день не выяснилось, что предатель-полковник, убегая, прихватил с собой сверхсекретные документы из закрытого архива. Вот только вывезти бумаги за границу он не смог, а спрятал их где-то в городе. Задача Светланы – найти тайник с документами, и на это у нее есть всего шесть дней...

Содержание

1	5
2	8
3	15
4	17
5	25
6	27
7	40
8	46
9	51
10	60
11	66
12	70
13	79
14	81
15	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Бакшеев

Дамский выстрел

© Бакшеев С., 2013

1

За три недели до первого дня, Москва

При входе в бизнес-центр Анна Уильямс привычно ослепила охранника пластиковой улыбкой. Точеные ножки проследовали к лифтам, ухоженные пальчики подхватили корреспонденцию из ячейки с надписью «GBC». В лифте перед зеркалом молодая женщина поправила медную копну пышных волос и на восьмом этаже вошла в офис, на котором красовалось полное название компании: «Global Business Communication». Анна уже пять лет работала в Москве. GBC помогала иностранным бизнесменам, приезжающим в Россию. Встреча в аэропорту, размещение в отеле, предоставление переводчика и водителя, аренда помещений для презентаций и переговоров – вот основной перечень услуг небольшой компании.

Стопка корреспонденции шлепнулась на стол, яркий ноготок коснулся кнопки кофейного аппарата. Анна Уильямс опустила в кресло секретаря, сменила элегантные босоножки, в которых водила машину, на дорожные туфли на шпильках и вынула косметичку. Черт возьми, за эти годы она превратилась в русскую! В любом месте первым делом подводит губы и подправляет глазки! На косметику и тряп-

ки уходит втрое больше денег, чем в благословенной Америке. Правда, есть и положительный момент. Теперь в родной Атланте ее со вкусом упакованную фигурку облизывают все мужские глазки в радиусе полумили. Что и говорить, среди частогола целлюлитных ляжек в бесформенных шортах тугая попка под обтягивающей юбкой выделяется, как спортивный кабриолет в потоке фермерских пикапов.

Как обычно по понедельникам, босс появился с большим опозданием.

– Мне кофе и аспирин, – вместо приветствия буркнул Дэвид Бейкер по пути в кабинет.

«А может, сразу виски?» – хотела съязвить Анна, но пожалела пятидесятилетнего босса. Он тоже обрусел. Ох, и доконают когда-нибудь молодящегося плеябоя угарные уик-энды с молоденькими проститутками.

Выполнив поручение страдальца, Анна Уильямс принялась за разбор корреспонденции. Сплошная реклама. В двадцать первом веке деловая переписка ведется в электронном виде. Она хотела уже смахнуть ворох ненужных писем в мусорную корзину, как вдруг заметила среди хрустящих конвертов один невзрачный. Откуда такой примитив? Анна всмотрелась в штемпель. Калининград. Все ясно, провинция. Самый западный осколок бывшей империи прислал рекламу некой гостиницы «Дона». Даже адрес написан от руки. Печатными буквами выведено: Джеймсу Ф. Кэли. Но такой сотрудник никогда не работал в их компании. В корзину!

И вдруг ее словно обожгло.

Джеймс Ф. Кэли. Первые буквы – JFK! Код аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке!

Анна Уильямс прекрасно помнила секретное дополнение, которое подписала вместе с контрактом перед отлетом в Москву. Ей платили вдвое больше отнюдь не за знание русского языка, а за молчание о клиентах компании и вот за эти три буквы. Увидев их или услышав по телефону, она должна была немедленно доложить боссу.

Анна, как раскаленную пластину, подняла конверт и отнесла его в кабинет Бейкера. Хорошо, что она не вскрыла письмо. Молчать лучше о том, чего не знаешь. Так спокойнее проходить ежегодное испытание на полиграфе во время отпуска в Штатах.

Спустя пять минут Дэвид Бейкер выскочил из кабинета. Нахмуренные брови и озабоченный взгляд пытались придать солидность его помятой физиономии.

– Я срочно вылетаю в Лондон... Тетушка при смерти.

– Тетушка, – Анна понимающе кивнула. О чем еще может быть письмо из Калининграда с кодовыми паролем JFK.

Первый день, Калининград, 12-50

Всклокоченная постель остывала. Кровать снова стала большой и обрела привычную форму: у стены место для подушек, у балкона – для ног. Я прижалась к Кириллу, положив голову ему на плечо и забросив колено на живот. Дыхание успокаивалось, глаза закрылись. После многолетнего одиночества я уже неделю замужняя женщина. Какое приятное ощущение: рядом с моим бьется другое сердце.

Сегодня я с Кириллом Коршуновым прилетела в Калининград. Мужу переваило за сорок, а ведет себя как голодный мальчишка, дорвавшийся до сладкого. Еще в самолете трогал меня за колени, жадно обнимал в такси, и как только мы оказались в гостиничном номере, сорвал одежду. И так уже неделю после нашего воссоединения в Валяпинске. Сумасшедший! Хорошо, что сейчас жаркий июль, тело едва прикрыто, и мой гардероб утратил лишь новенькие брюки из легкой ткани, молния на которых разошлась вдрызг.

Мы поселились в отеле «Усадьба» при въезде в Калининград, в котором семь лет назад в критических обстоятельствах оказались в одной постели. И номера взяли те же: 12-й и 14-й. Мы могли бы прекрасно разместиться в одном, но

в целях безопасности два смежных номера на втором этаже с единым балконом, выходящим в сад, были идеальным выбором.

Одной рукой Кирилл обнимал меня, другой за чем-то потянулся. Ему было неудобно, но он достиг цели. Зашуршала газета.

– Прочти, – категорично предложил он.

Хотя день перевалил середину, открывать глаза не хотелось. В ушах еще теплился влажный шепот, а память охотно воскрешала ласковые бестолковые слова. Кирилл приподнялся на локтях, разрушив идиллию. Я увидела перед собой первую полосу газеты «Страна Калининград» и статью с броским заголовком «Замурованная ведьма». Чтобы окончательно взбодрить меня, ниже сочилась кровью кричащая аннотация: «Зловещая тайна приоткрывает кровавый занавес!»

Я недоуменно посмотрела на мужа. Он невозмутимо выбрался из постели и прошел к мини-бару. Трудно выглядеть серьезным, если ты обнажен. Кирилл это понял и натянул джинсы. Он глотнул минеральной воды из запотевшей бутылки и протянул ее мне.

– Мы приехали работать, Светлая. Времени у нас в обрез.

Смочить липкие от поцелуев губы было весьма кстати. Холодная вода растворила любовный дурман. Я не без сожаления перевела взгляд с подтянутого мужского торса на пестрые страницы. Работать так работать. Он офицер ФСБ,

а я наемный киллер. За семнадцать лет я выполнила немало его заказов. Сейчас глупо расстраиваться. Валяться в постели и читать желтую прессу – получше, чем сжимать винтовку, готовясь к выстрелу. Итак, о чем там?

«Свершилось! В преддверии празднования 750-летия Калининграда городские власти обратили внимание на самый вопиющий долгострой советской эпохи – Дом советов. Бетонная коробка на пересечении улицы Шевченко и Ленинского проспекта долгие годы портит вид нашего древнего города. Горожане метко прозвали уродливое здание «Закопанным роботом».

Я посмотрела на приведенную в газете фотографию. Бетонный куб, размеченный рябью окошек. По центру – «глаза» в виде двух выступающих прямоугольников, оскаленный «рот» на месте входа в здание и широкий «нос» – навес над ним. Ни дать ни взять – голова гигантского робота, закопанного по плечи.

«На прошлой неделе строители приступили к косметическому ремонту архитектурного «шедевра». Средства были выделены на приведение в порядок «Закопанного робота» только с внешней стороны. Возможно, еще много лет мы не узнали бы страшную тайну заброшенного здания, если бы в одном из закутков нижнего этажа строители не задели неказистую перегородку. Из нее вывалился каменный блок. Конечно же, нашелся любопытный. Он направил луч фонаря в темную дыру, и в следующее мгновение бетонные стены

многократно отразили крик ужаса.

Вы хотите узнать, что он увидел?»

Еще бы!

«Тогда читайте продолжение на странице 8 в разделе «Криминал».

Хорошо, что не надо ждать следующего выпуска. Я нетерпеливо перелистнула страницы. Но пройдоха журналист знал свое дело.

«Прежде чем вам откроется зловещая тайна, сделаем отступление. Вот история, рассказанная нашей газетой в прошлом году.

«– Не-е, я туда не суюсь. Зарекся, – рассказывает бывалый бомж Василий. – И другие нашенские обходят «Закопанного робота» стороной.

– Почему? Сторож гоняет?

– Сторож – тьфу! Плюнуть и растереть. Там другое. – Василий мнетя. – Ты в привидения веришь?

– По-моему, они бывают только в фильмах.

– Во-о, и я так думал. Пока в башке «Закопанного робота» не переночевал.

– А что случилось?

– Авария случилась. В моем подвале, где я с Немым кантовался, канализацию прорвало. Вот мы на время ремонта в «Закопанного робота» и перебрались. Нашли местечко повыше, сели, чин чинарем бутылочку белой открыли, чтобы, так сказать, новоселье отметить. Не-е, ты не поду-

май, водка нормальная была, не паленая. Закусь имелась, да и доза привычная. Не из-за выпивки у нас видение началось.

— А какое видение?

— Ну-у, мы выпили, полюбовались перспективой. С Немым ведь не поболтаешь, а с высоты далеко видать. Потом улеглись. А ночью вдруг слышу — мычание противное. И шаги... Медленные, размеренные, снизу поднимаются. Вначале подумал, что во сне померещилось. Глядь, а Немой тоже сжался и на меня пялится. Он хоть и немой, а опасность чувствует. Ткнули мы друг друга, щипнули — не сон. А мычание все ближе. Мы к лестнице. А там...

— Привидение?

— Ведьма! На башке космы торчат, одета в тряпье, а рот и глаза красным светятся. Идет медленно, шаркает и стонет. А голос такой жуткий, не приведи господи. — Бомж перекрестился.

— И что дальше?

— Ну-у, струхнули мы. Я в угол забился, глаза-уши закрыл, чтоб нечисть не видеть, не слышать, а Немой вверх побежал. Ведьма за ним потопала. Прошло некоторое время — тишина. А потом воющий стон и — шлеп! Как свежей рыбиной по прилавку. Я про все забыл — и вниз. Подальше от жуткого места. Выбегаю, а там — Немой лежит. Я схватил его за руку, хотел поднять... А это уже не человек, а куль с костями. И кровь под ним расплывается. Ну-у, я и дал деру.

– Что же произошло?

– Известно что. Ведьма Немого прибрала. На крышу за-
гнала и сбросила. У Немого даже голос прорезался во время
падения».

Вот какую историю с реальным трупом поведал бомж
Василий.

Надо сказать, что слухи о привидении в «Закопанном ро-
боте» всплывали неоднократно. Не многие им верили, хо-
тя предпочитали обходить заброшенное здание стороной.
И вот ужасная находка приоткрыла завесу тайны.

Известно, что привидения – это неупокоенные души же-
стоко убитых. Они являются нам в назидание: каждый
погибший должен быть достойно похоронен, а преступник
найден и наказан.

Что же увидел незадачливый строитель за разрушенной
стенкой?

Представьте: его рука осторожно просовывается в тем-
ное отверстие, напряженный взгляд следует за лучом фо-
нарика. Желтый конус разрезает затхлый мрак, шарит из
стороны в сторону и медленно опускается вниз. В следую-
щее мгновение фонарик вываливается из дрогнувших паль-
цев. Стук о бетон, крик – и тонкий луч подсвечивает изнут-
ри оскаленный череп!

Да-да, я не преувеличиваю. В замурованной комнате об-
наружены останки убитого человека! Становится очевид-
ным, что слухи о привидении отнюдь не беспочвенны. Под-

твердился даже пол жертвы. Это женищина. Ее дух витал в «Закопанном роботе» и не давал покоя редким смельчакам.

Пока известно, что женищина погибла 15–18 лет назад. Убийца расправился с ней и замуровал тело. Если бы не замороженная на долгие годы стройка, тело нашли бы раньше, и тогда, возможно, убийца понес бы наказание. А сейчас идентифицировать останки можно только с помощью анализа ДНК. Но для этого надо знать, с чем их сравнивать.

Несмотря на необычность находки, следователь Мартьянов не теряет оптимизма. По его словам, найдены особые улики, которые помогут установить личность погибшей.

Кто же ты, «замурованная ведьма»?

3

За неделю до первого дня, Калининград

Ежедневный просмотр новостей в Интернете принес долгожданные плоды. Механик увидел то, на что рассчитывал. Его пробный камешек обрушил лавину новостей. В скурых сообщениях русскоязычного Интернета говорилось, что в США арестован гражданин, подозреваемый в шпионаже в пользу России. Это произошло на следующий день после визита в Америку российского президента. Фамилия арестованного держится в тайне. Наши спецслужбы традиционно воздерживаются от комментариев, а представитель российского МИДа заявил, что это откровенная провокация, целью которой является срыв договоренностей, достигнутых во время саммита.

Механик, владевший английским языком, искал дополнительную информацию на американских сайтах. Там шпионский скандал освещался не в пример шире. Фамилия арестованного шпиона тоже не сообщалась, но утверждалось, что под напором неопровержимых улик он уже дал признательные показания. Одна из газет писала, что речь идет об успешном фотографе, долгие годы работавшем со многими известными персонами и популярными журналами.

Фотограф! Механик крикнул от удовольствия. Не осталось сомнения, что его письмо в адрес компании GBC господину Джеймсу Ф. Кэли дошло по назначению.

«Попался, старый фотограф. А в досье указан твой псевдоним, Рыбак. Интересно, ты знаешь, с какой стороны братья за удочку? Наверное, никогда рыбу и не ловил. Это в школе дают меткие прозвища. А в секретных играх наоборот, чем дальше кличка от истины – тем лучше. Вот меня зовут Механиком. Это хорошо или плохо?»

Механик не знал ответа. Он задумался о другом. Первая часть дерзкого плана сработала. Он предъявил свой козырь. Крупный, но далеко не единственный. Настало время приступить ко второй части плана. Гораздо более опасной.

Первый день, Калининград, 13-05

Я дочитала статью о «замурованной ведьме», взглянула на дату. Газета вышла семь лет назад. Я еще раз просмотрела жуткие снимки. Оскаленный череп на бетонной плите, вывернутые руки и беспомощно раздвинутые кости ног. Останки «кричали» болью. Захотелось помыться. Радужное настроение после бурных постельных эмоций было полностью испорчено.

– Зачем ты мне дал эту чернуху? – Я отшвырнула газету, выскользнула из-под одеяла и склонилась над раскрытым чемоданом.

– Семь лет назад в начале июля Олег Назаров прилетел в Калининград. Статья была напечатана в мае того же года. Обратила внимание на фамилию следователя?

– Кажется, Мартьянов.

– Так вот. Назаров заходил в прокуратуру к следователю Мартьянову и интересовался материалами расследования.

– История с ведьмой не журналистская выдумка?

– Про привидение с пылающим взором не знаю, но останки девушки действительно были найдены строителями.

– Назарову показали дело?

– Разумеется. Удостоверение полковника Службы внеш-

ней разведки открывает многие двери.

– Что могло его заинтересовать в деле «замурованной ведьмы»?

– Наша Контора до сих пор не знает.

Я вскрыла яркий пакетик и растянула невесомую полоску новых трусиков. Тугая резинка врезалась в бедра. Теперь, покупая белье, приходилось думать не об удобстве, а об эстетическом удовольствии того, кто на меня сейчас пялился. А вот и его ладонь на моих ягодицах! Я шлепнула Кирилла по руке. На его лице расплывалась та самая идиотская улыбка, когда кровь из головы мужчины отливает совсем к другому органу. В такие мгновения внешний вид мужиков стремительно приближается к иллюстрациям из учебника психиатрии. Пришлось вернуть любимому человеческий облик.

– Ты сказал, мы приехали работать. Личность погибшей установлена?

– Да. То есть нет!

– Так да или нет? – Я стояла у раскрытой двери ванной, предусмотрительно прикрывшись полотенцем.

– Работать – да. Но погибшую так и не опознали. С тех пор лишь уточнили, что жертве около двадцати лет.

– Молоденькая, – вздохнула я, вспомнив себя такой же. Мою жизнь в этом возрасте разрушили, а ее и вовсе отобрали.

– Предположительно с момента убийства прошло двадцать три года, если считать до сегодняшнего дня. Кстати,

в тот год старший лейтенант Олег Назаров отдыхал в Центральном военном санатории в Светлогорске.

– Так это он ее убил! Светлогорск рядом с Калининградом. Назаров убил девушку, спрятал тело, а когда нашли останки, решил проверить, нет ли зацепок против него.

– Возможно.

– Не возможно, а точно! Он насильник и убийца! Посмотри, в какой она позе.

– Понимаешь, это преступление вряд ли имеет отношение к нашему делу. – Кирилл, кажется, был не рад моему эмоциональному порыву. – Наша с тобой задача – найти исчезнувшие документы.

– А наказание убийцы тебя не волнует?

– Это дело прокуратуры. – Коршунов в процессе разговора приблизился ко мне.

– Какие же вы, эфэсбэшники, черствые. – Я захлопнула дверь перед вытянутой рукой и задвинула защелку.

– Светлая, зачем так говорить? Ты ведь работала на нас.

– Я не знала!

– Думаешь, было бы лучше, если бы твоими заказчиками были авторитетные бизнесмены?

– Отстань! Получил свое – и теперь можешь хамить?

– Прости. Давай подумаем о работе.

– Вот и думай! А я приму душ.

Теплые струи вернули душевное спокойствие. Прошлого не изменить. И забыть невозможно. А о будущем я вообще

стараюсь не думать. Я долгие годы была наемным киллером. Выполняла задания неведомого Посредника. И лишь спустя семнадцать лет узнала, что за этим именем скрывается Кирилл Коршунов, офицер ФСБ, научивший меня метко стрелять. В то далекое лето его любовь вернула меня к жизни, но судьба вновь сбросила меня в пропасть. Я была уверена, что Кирилл погиб, и у меня не осталось выбора. Тогда я была Светой Демьяновой, затем Светланой Михалковой, а теперь я жена воскресшего Кирилла Коршунова и ношу его фамилию. Но в милицейских сводках все эти годы я проходила под кличкой Светлый Демон.

Семь лет назад я прилетела в Калининград, чтобы убить Олега Назарова. Он был «кротом» в СВР, Службе внешней разведки. Тогда мне этого не сообщили. На первом этапе Посредник поручил следить за Назаровым и ждать условного сигнала. В назначенный срок произошло непредвиденное, едва не стоившее мне жизни. Это был день предательства!

Сейчас Контора хочет отыскать сверхсекретные документы, которые украл полковник Назаров. Для этого мы здесь. Я должна вспомнить каждую деталь, сопоставить свои воспоминания с данными закрытого расследования и определить: куда Назаров мог спрятать личные досье наших агентов-нелегалов в США?

Халата в ванной не оказалось. Я обмоталась полотенцем и проскочила за верхней одеждой. Фигура у меня что надо, мужики облизываются. Не хотелось провоцировать Кирилла

на новые любовные подвиги. Ему не втолковать, что лучше меньше, да лучше. Мужчины заиклены на количестве, как будто секс – это бильярд, и надо вогнать в лузу побольше шаров. А нам нежности хочется, необыкновенной и разнообразной. И вообще, они стремятся к сексу, а мы – к интиму. А это не одно и то же. Интим – когда две души сливаются в единое теплое облако, и хорошо-хорошо! А секс – сами знаете, голая механика и испачканная простыня.

Кирилл стоял у окна. Я успела ввинтиться в новое платье, пока он обернулся. И пнула разворошенный чемодан. Никогда у меня не было столько шмоток. Невольно вырвалось:

– Как же много женщине надо, когда она хочет понравиться.

– Ты мне нравишься без ничего, – запел Кирилл, приближаясь ко мне.

Требовалось остудить наметившийся рывок раскошегаренного паровоза.

– Так ли важны сейчас старые документы? Ведь прошло уже семь лет, – выпалила я.

– Измена Родине не имеет срока давности, – посерьезнел Коршунов. – А документы...

Он покачал головой и уставился в пол. У меня появился шанс привести в порядок прическу.

– Недавно скончался известный фотограф Хуан Монтеро. Благодаря его смерти мы сейчас вместе, – без тени иронии произнес Кирилл.

Я поняла, что шуточки неуместны, и спросила:

– Кто он?

– Его настоящее имя Петр Денисенко. Он работал на внешнюю разведку нашей страны. Еще в конце шестидесятых Монтеро отправили в Испанию. Оттуда он под видом фотографа перебрался в Чили. Только представь разнообразие его талантов. Монтеро добился успеха в фотоискусстве, исколесил всю Латинскую Америку, попутно обрастая связями среди политиков и бизнесменов. В середине семидесятых Монтеро женился на мексиканской журналистке и переехал в США. Его супруга стала влиятельной журналисткой, а он – модным фотографом, вхожим в высшие сферы общества. Среди его знакомых были служащие американского Госдепа и высокопоставленные функционеры демократической партии. Они использовались нашими спецслужбами не только для получения информации, но и как агенты влияния. Заслуги Монтеро были столь огромны, что в восьмидесятые секретным указом ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был выдающийся разведчик и незаурядная личность. За рубежом он получил три высших образования и ученую степень по политологии. Он участвовал в ток-шоу, публиковал фотографии и статьи в массовых журналах. Он жил скромно, почти забыл русский язык, его биография была безупречной. И вот месяц назад за ним приходят.

– Но Назаров не мог это сделать. Он же семь лет назад...

– Слушай дальше. Монтеро арестован, но американцы

бессильны доказать его связь с российской разведкой. Перед ними седой уважаемый семьянин, чьи дети, жена, многочисленные друзья, сокурсники, соседи и влиятельные знакомые готовы под присягой подтвердить любой факт из жизни добропорядочного 65-летнего американца. Его избивали, подвергали медикаментозному воздействию, но арестованный до последнего отвергал любые обвинения, настаивая на невинности. Но однажды следователь раскрыл перед ним личное дело Денисенко-Монтеро, привезенное из Москвы. Оригина́л! Такой провал в страшном сне не приснится. Это не просто предательство, это подлость в самом ужасном виде! Денисенко не мог поверить, что это дело рук одной-единственной сволочи. Он был уверен, что его кинула страна, которой он служил сорок пять лет. – Кирилл понуро уставился в пол. – Его сердце не выдержало. Герой Советского Союза Петр Денисенко скончался в американской тюрьме.

– Личное дело Денисенко было в тех документах, которые украл Назаров? – догадалась я.

– Да. Предатель вынес со службы пятнадцать таких досье. Мы надеялись, что они пропали, но, как видишь... – Он беспомощно развел руки. – Под угрозой жизнь и свобода еще четырнадцати наших нелегалов.

– А если остальные досье тоже там?

– Вот поэтому мы должны как можно быстрее узнать судьбу назаровской папки. Если документы у американцев, необходима срочная эвакуация наших разведчиков.

– Так спасайте людей! Чего вы ждете?

– А если документы еще здесь? Представляешь, сколько труда вложено в этих людей? Они потратили годы и десятилетия, чтобы закрепиться и вырасти в американском обществе. И весь этот труд коту под хвост? Эвакуация равносильна провалу.

– Твоим начальникам легко рисковать жизнью подчиненных.

– Забудь про начальников, есть только ты и я! – чересчур эмоционально отреагировал Коршунов. – И если нам удастся, если ты сможешь вспомнить...

– Ты тоже получишь звезду Героя?

Кирилл не оценил иронии. Его лицо словно погрузилось в тень.

– Речь идет о твоей жизни.

За сутки до первого дня, Москва

– Коршунов, у тебя шесть дней. Это крайний срок. Если не найдешь досье, мы примем радикальные меры.

– Я понял, товарищ генерал.

– Еще вопросы есть?

Офицер замялся, прежде чем задать мучивший его вопрос.

– Светлый Демон может рассчитывать на особую участь?

– Проект «СД», «Светлый Демон», закрыт. Ты понимаешь, что это значит.

Но для Коршунова «СД» была на проекте, а живым человеком.

– Даже если с ее помощью мы спасем четырнадцать разведчиков?

– Есть правила, в которых нет исключений.

– Но, может...

– Коршунов, выполняй задание. Об остальном позаботятся другие. – Холодные начальственные глазки буравили подчиненного. – Не слышу ответа!

– Есть, товарищ генерал.

– Свободен.

Кирилл Коршунов вышел из «высокого» кабинета. Он от-

стоял еще шесть дней ее жизни. Только шесть.

Генералу Рысеву не понравился ускользающий взгляд офицера. Он знал, что за глаза его зовут Рысь, и не видел в этом ничего зазорного. Неожиданный прыжок и смертельная хватка клыками в самое незащищенное место отвечали и его характеру. Заключительная миссия по закрытию проекта «Светлый Демон» должна быть выполнена чисто, решил генерал и нажал кнопку связи. Настало время подчистить собственные грязные делишки.

Первый день, Калининград, 13-30

– Привет, Калининград. В прошлый раз меня здесь подло предали. Сейчас грозят лишить жизни. Это честнее. – Я села в низкое кресло, хотела водрузить босые пятки на журнальный столик, но воздержалась, вспомнив о коротком платье, и скромно поджала колени. – Излагай подробности.

Кирилл опустил в кресло напротив и мучительно растопырил пальцы, не зная, с чего начать.

– Давай вернемся на семь лет назад, – предложил он, – в теплый по балтийским меркам июль.

– Принеси воды и надень футболку. Отвлекает. – Я пыталась бодриться и даже поиграла глазками. Наверное, у беззубой старухи это получилось бы лучше.

Белая обтягивающая футболка прикрыла черные волоски на груди Коршунова и сделала рельефнее мышцы. Боже, этот сильный мужчина – мой! Или нет? Что такое семейная жизнь? Я семнадцать лет скиталась одна и когда просыпалась, первым делом нащупывала холодную сталь оружия. А теперь по утрам мои пальцы тянутся к теплему мужскому телу.

Я проявила волю и сочла благоразумным наблюдать за пузырьками в стакане.

– Рассказывай с самого начала, – попросила я.

– В ФСБ стали подозревать, что в Службе внешней разведки завелся «крот». Были серьезные предпосылки. Началась работа. Полковник Назаров на тот момент был одним из подозреваемых. За ним установили наблюдение. Но прожженный профи заметил слежку и устроил скандал. Его понять можно, кому понравится быть на крючке у Конторы. Назаров пылал праведным гневом, сдал загранпаспорт, хотя имел на руках путевку в Турцию, и заявил, что проведет две недели отпуска в Калининграде. Его поддержало руководство СВР. Хотя мы все выходцы из одной конюшни, между нашими конторами существует конкуренция. В вечной скачке каждый борется за приз из рук хозяина.

– А кто ваш хозяин?

– Ну, ты, Светлая, даешь. Портрет хозяина висит в кабинете каждого чиновника. И наблюдает.

– Их два. Который?

– По взгляду не ясно?

– Он что, и о нас знает?

– О предательстве Назарова – конечно.

– Значит, я выполняю сейчас государственное задание? – Я повела рукой в сторону разбросанной одежды и смятой постели.

– Не ерничай, – смутился Кирилл. Надо сказать, что таким он мне нравился больше, чем сухим профессионалом. Но смущение длилось недолго. – Итак, Назаров едет в Кали-

нинград. Тут и морская граница, и до Польши рукой подать. Если предположить, что он «крот» и захотел дать деру, то место выбрано идеальное. Тем более его жена и дочь в это время отправляются на отдых в Турцию. У семьи есть возможность скрыться одновременно. За женой и дочерью приглядывают наши сотрудники, а вот Назарова не решаются контролировать силами Конторы. Во-первых, наш шеф дал слово оставить его в покое, а во-вторых, существует опасность, что у Назарова или его начальства из СВР в Конторе имеется информатор, который доложит об активности вокруг полковника.

- Спецслужбы следят друг за другом?
- Обычная практика. Система сдержек и противовесов.
- Ну и гадюшник у вас.
- Для политиков лучше иметь под рукой несколько равноценных спецслужб, чем одну всесильную.
- Несколько бессильных, ты имел в виду.
- Не все так плохо, Светлая. Если нет возможности привлечь штатных сотрудников, мы привлекаем...
- Наемного киллера!
- Обратиться к тебе – моя идея.
- Ах, вот кого мне благодарить за опасное приключение! Спасибо. Даже не предупредил, что я имею дело с опытным сотрудником спецслужбы.
- Это была секретная информация.
- Мне ваши секреты чуть не стоили жизни.

– Светлая, ты пойми, я не верил, что Назаров шпион, ведь были и другие подозреваемые. Тебе поручили за ним следить, собирать информацию. А ликвидация планировалась в качестве крайней меры, только после особого приказа. Я думал, до этого не дойдет.

– А ведь дошло, и очень быстро. – Я вспомнила тот роковой вечер. Я не раз возвращалась к нему, пытаюсь понять, что же тогда произошло? Часть тайны Коршунов приоткрыл мне недавно в Валяпинске. Но главная загадка то выплывала из густого тумана времени, то исчезала в нем вновь, мелькнув неведомой гранью.

– Поверь, я рассчитывал провести две недели рядом с тобой. Мне знакомы эти места, здесь я поступил в военное училище. Я хотел найти повод, чтобы сообщить тебе, что я жив. Даже номер снял в том же отеле. Соседний, с единым балконом. Помнишь, как той ночью на этой кровати...

Это было частью тайны, которую мне поведали. Я спровоцировала незнакомца на секс ради липового алиби. Незнакомцем оказался Кирилл. Он спас меня от преследования, но так и не открылся той темной ночью. Сейчас я хотела разобраться в предшествующем событии.

– А что было за час до этого, тебя не волнует? В 308-м номере совершенно другого отеля!

– Я знаю.

– А вот мне далеко не все понятно.

– Мы к этому и подбираемся.

– Так не тяни резину!

Мой новоиспеченный муж с семилетним засекреченным стажем совместной жизни сунул руку в дорожную сумку, с которой не расставался в самолете, и вынул навороченный смартфон. Я знала об умных телефонах с возможностями компьютера, но сама их не использовала. Я предпочитала решать проблемы с помощью оружия.

Коршунов включил смартфон, ввел код и повернул электронное устройство ко мне. На дисплее высвечивалась страница с грифом «Совершенно секретно».

– Что это? – спросила я.

– Компьютер и телефон одновременно, дополненный специальными программами.

– Я про фотографию на экране.

– Это не фотография, а результаты закрытого расследования, проведенного Конторой после смерти Назарова. Можешь листать.

– Хотели найти убийцу? – дерзко ухмыльнулась я и закинула ногу на ногу. На мужчин это всегда производит впечатление, тем более что короткое платье обнажало ноги выше некуда, а сидела я в низком кресле. Но муженек и глазом не повел. Секретные документы превратили его в офицера спецслужбы со стальными нервами.

– Здесь все собранные материалы. Компактно и удобно. А сволочь Назаров украл папку толщиной в два пальца! Куда попало ее не спрячешь. Мы обыскали каждую щелочку в его

номере, и не по одному разу. Прошерстили все места, где он побывал, но... Досье исчезли.

– Может, ваш коллега-шпион их сжег?

– Он не мой коллега, – твердо ответил Коршунов. Трансформация в спецарента была необратимой.

– Не злись. Я просто предположила, что Назаров уничтожил документы.

– Стоило ли для этого с огромным риском похищать совершенно секретные материалы? И не забывай, одно досье спустя семь лет всплыло целым и невредимым у нашего врага. Будем исходить из того, что документы существуют. – Кирилл коснулся пальцем экрана, страница перелистнулась. – Я прочту тебе все, что нарыла Контора. А ты вспоминай. Каждую деталь, каждую мелочь. Если мы найдем эти досье...

Он неожиданно замолчал. Я охотно подсказала:

– Тебя представят к награде. А меня?

Кирилл накрыл мои пальцы большими ладонями и заглянул в глаза. В его взгляде не было привычного тепла, только тревога.

– Тебя разыскивают как Светлого Демона. До сих пор Контора помогала тебе, поэтому ты на свободе. Но если мы не найдем...

Я вырвала руки и резко встала.

– Контора меня сдаст?

Он потупился и ответил не сразу.

– Боюсь, что хуже.

– Что может быть хуже? – услышала я свой голос. И тут же пришло прозрение.

– Они будут заметать следы. Подчищать прошлое, – подтвердил предположение Кирилл.

– И поручат это тебе?

– Ну, что ты, Светлая. Я люблю тебя. – Кирилл поднялся и попытался обнять меня. Я вырвалась. Его голос звучал фальшиво.

– А если тебе прикажут? Ведь приказ не обсуждается.

– Хватит об этом! Забудь. – Его глаза вспыхнули и тут же погасли. Он с минуту изучал соринки на полу и продолжил не столь уверенно. – Когда мы достигнем цели, я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы с тебя сняли обвинение. А твое досье уничтожили.

– На меня существует досье?

– Таков порядок.

– И там все-все? Мои задания, мои клиенты? – Молчание послужило красноречивым ответом. – Значит, на кону моя жизнь. – Я взорвалась: – Мы еще посмотрим, кто кого! Я теперь не беспомощная девчонка!

– Успокойся. Все будет хорошо. Давай работать. От нас зависит, прежде всего, судьба наших агентов-нелегалов.

– Прежде всего?.. Убери руки! Ваши агенты мне до лампочки.

– Светлая...

– Играйте сами в свои шпионские игры!

– У нас нет выбора, – обреченно выдохнул Кирилл.

По его воспаленному болезненному взгляду я поняла, что обстоятельства сложились хуже некуда. Всесильная Контора приперла нас к стенке.

– Ну, хорошо. Я возьмусь за это дело, но не из-за разведчиков. Они особые люди и знали, на что шли. – Я подхватила газету со статьей «Замурованная ведьма» и потрясла ею. – Я хочу разобраться, кто эта девушка и почему ее убили? Мне важнее найти и покарать одного конкретного злодея, чем спасти огромный гребаный мир!

– Вот и договорились, – ухватился Кирилл.

Я умерила пыл, но до конца не отошла.

– Над девчонкой издевались, ее насильовали. Я сама прошла через это и знаю, что, пока садиста не накажешь, он не остановится.

– Садись. Начнем работать. Я буду читать, а ты вспоминай.

Мы заняли прежние места. Мужчина и женщина в гостиничном номере превратились в двух бесполох профессионалов, ищущих разгадку старой тайны.

– Полковник Олег Назаров прилетел в Калининград рейсом Аэрофлота второго июля в середине дня, – бубнил Кирилл. – Мы опросили его соседей по самолету, стюардесс и даже провели у некоторых обыск. Чисто. Во время полета Назаров в контакт не вступал. Украденные документы, скорее всего, находились в его ручной клади. По прибытии в Ка-

лининград Назаров поселился в центре города в отеле «Дона».

– Как он туда добрался?

– На такси. Таксист, естественно, установлен. С ним проведена плотная работа. Тоже чисто. Фамилия и адрес таксиста у меня имеются. Хочешь ознакомиться?

– Не стоит. Круче ваших спецов я не смогу его обработать.

Коршунов проигнорировал злую иронию и продолжил:

– Спустя час после заселения Назаров вышел из отеля и направился в Музей янтаря. Музей расположен рядом, на берегу озера Верхнего, в оборонительной башне Дона. Башня, как и гостиница, носит имя прусского генерал-фельдмаршала Дона, участвовавшего в войне против Наполеона. Башня является историко-архитектурным памятником середины XIX столетия и составляет вместе с Росгартенскими воротами единый крепостной комплекс.

– Тебе можно работать экскурсоводом, Коршунов.

– Я объясняю подробно, потому что в старой крепости очень толстые стены. Там легко устроить тайник, если, конечно, заранее позаботиться. Поговаривают, что крепость соединялась с другими фортами подземными тоннелями. Немцы использовали их во время обороны города. Там можно хоть танк спрятать.

– Ты намекаешь, что Назаров спускался в подземелье?

– Надеюсь, что нет. Наши сотрудники вход в тоннель не обнаружили. По легенде, немцы замуровали вход в подзем-

ные коммуникации, частично затопили...

— А карты передали американцам, и те снабдили ими шпиона Назарова, — смело предположила я.

— Могло быть и так, хотя маловероятно, — невозмутимо парировал Коршунов. — Мы установили главное. Назаров вышел из отеля с пустыми руками. Я недаром подчеркнул размер досье. Под летней одеждой большую папку не спрячешь.

— Если не выносить по частям. Начав с личного дела Денисенко, или как там его? Монтеро.

— Это происходило семь лет назад, а досье на Денисенко всплыло только сейчас. — раздраженно возразил Кирилл.

Я вскочила, вытянула руки по швам и клюнула подбородком.

— Полностью с вами согласна, командир!

— Светлая, давай без закидонов, — скривился мой муж. — Мы делаем одно дело.

Я взъерошила жесткие волосы на его макушке.

— И ты не дуйся.

— Продолжаю, — потеплел голос Кирилла. — При выходе из музея Олег Назаров купил сувенир. Сравнительно дорогую авторскую работу — янтарную Царевну-лягушку. И попросил выгравировать дарственную надпись «Любимой Елене». Так зовут его жену.

— Лягушку? Любимой женщине?

— Не просто лягушку, а сказочный персонаж. К тому же лягушка — символ богатства и благополучия.

– Слушай, если ты захочешь сделать подарок мне – выбери что-нибудь другое, не квакающее.

– Черепаху?

– Хотя бы. – Я поняла его намек на любимого Пифика, который много лет скрашивал мое одиночество. Только благодаря черепахе я не сошла с ума и не разучилась разговаривать.

– В истории с лягушкой есть продолжение. Довольно странное. Но давай по порядку.

– Не возражаю. – Я снова плюхнулась в кресло. На положение коленок уже не обращала внимание. Муж целиком и полностью находился «на службе» и видел во мне сотрудника, а не женщину. Ну что ж, если у нас начнутся нормальные семейные будни, у меня не будет поводов для ревности, когда муж на работе.

– После Музея янтаря Назаров вернулся в гостиницу с ярким пакетом в руке. Насколько мы знаем, по пути он ни с кем не встречался. Поднялся в номер. Провел там несколько часов. Вечером спустился на ужин в ресторан «Дольче вита». Это ресторан при гостинице, достаточно пафосный и дорогой.

– Я была в нем. Кормят неплохо.

– Назаров поужинал в одиночестве. Заказал бутылку «Кьянти резерва», но выпил наполовину. Затем, уже из номера, позвонил жене. Она в этот день прилетела с дочерью в Турцию. Есть распечатка разговора.

– Вы его прослушивали?

– Мобильный телефон – обязательно. Это аксиома слежки. Я уверен, Назаров предполагал это, и ждать откровений не приходилось.

– Подожди. А мой телефон сейчас вы тоже прослушиваете?

– Возможно.

– Тебя не поставили в известность?

– Видишь ли, Светлая, у нас многоуровневая система контроля.

– Ну и контора. С кем я связалась.

– В каждой работе есть издержки. Зато теперь мы знаем обо всех звонках шпиона. Назаров поболтал с женой. Они говорили об отелях, о погоде, о питании. Он описал подарок.

– Янтарную лягушку?

– Да. Видимо, Назаров вертел ее в руке, потому что заметил брак и чертыхнулся. Подробностей не сообщил, но явно расстроился. После разговора до утра из номера не выходил и никому больше не звонил.

– Откуда вы знаете? Я не про звонки спрашиваю.

– Во-первых, расспросили портье. Во-вторых, дверь снабжена электронным замком. Карточка-ключ программируется на стойке регистрации, и потом через компьютер можно определить время открытия и закрытия двери. И самое главное – его мобильный телефон. Мы напрягли наших технарей и установили все перемещения Назарова. Если бы он отошел

от отеля, телефон переключился бы на другую базовую станцию. Таким образом, было установлено, что в первую ночь Назаров оставался в своем номере.

– Здорово. Большой Брат знает все!

– Если бы. Досье-то пропали. – Кирилл горько вздохнул. –

Вот так прошел день второго июля.

– А третьего прилетела я.

– Тем же рейсом, что и Назаров. То есть в середине дня.

Но с утра произошел странный инцидент, о котором я уже упомянул.

– Ты не говорил об инциденте.

– Разве? Сейчас ты поймешь, что я имел в виду.

За сутки до первого дня, США, Лэнгли

Когда Бред Коннорс был недоволен, он хмурил брови и выпячивал сжатые губы, а если мучился сомнениями, потирал переносицу. Сейчас на лице директора по разведке ЦРУ недобрые чувства дополняли друг друга.

«Ну что тебе еще надо, старый гусь? – мысленно ругался начальник «русского» отдела Фрэнк Рассел, следя за мимикой шефа. – Мы разоблачили российского нелегала, да еще какого! Сорок лет работал у нас под носом, нанес огромный ущерб. А в России получил генеральское звание и звезду Героя. Самое время и нам подумать о наградах».

– Значит, наш агент Механик дал о себе знать спустя семь лет, – словно продолжая внутренние рассуждения, произнес вслух директор по разведке.

– Да, сэр. Воспользовался запасным каналом связи.

– Но это невозможно, – вскинул руки Коннорс. – Русские его ликвидировали!

– А как же письмо, которое мы получили? На нем свежий штампель, – напомнил об очевидном факте Рассел. – Механик прислал оригинал личного дела глубоко законспирированного шпиона. Это невероятная удача! Такого еще не бы-

ло.

– Что же получается, семь лет назад русские устроили инсценировку?

– Тела Механика мы не видели. Где захоронен, не знаем. Русские засекретили калининградскую историю самым тщательным образом. В свете новых обстоятельств надо исходить из того, что опытный и предусмотрительный Механик не погиб, а исчез.

– Исчез, – эхом отозвался директор и ухватился за переносицу. – Семь лет молчания... Это много. Если Механика не убили, то арестовали. И тогда полученная информация – это провокация русских.

– С ее помощью мы разоблачили ценного агента. Это факт.

– Кроме своего имени, он ничего не сказал. А если русские разыгрывают гамбит? Пожертвовали больным стариком, чтобы заманить нас в ловушку.

– Если бы русские затеяли игру, они начали бы ее сразу. По прошествии семи лет возникает много вопросов.

– Слишком много.

– Хочу заметить, что шпион Денисенко, работавший под личиной фотографа Монтеро, награжден высшей наградой России. Таких сотрудников спецслужбы не сдают. Это деморализует действующих агентов.

– И все же... Что говорит экспертиза?

Рассел для важности раскрыл папку, хотя и так все пом-

нил.

– Адрес на конверте написан рукой Механика. Буквы печатные, но на девяносто девять процентов это его почерк.

– Или высококлассная подделка.

– Обнаружено еще кое-что. Бумага содержит микрочастицы машинного масла.

– Вот как? Механик таким способом намекает, что это он?

– По крайней мере, этот факт тоже говорит в его пользу.

– Странно. Все очень странно. – Директор по разведке потянулся к переносице, но в последний момент поправил редеющие волосы.

– Мы не знаем всех обстоятельств, сэр. Возможно, Механик решил оборвать связи и с нами, и с русскими.

– Дрессированный пес не захотел кушать с руки хозяев и перегрыз оба поводка?

– У русских есть сказка о Колобке. Бабка вылепила его собственными руками, а он и от нее ушел, и от деда. И от медведя и волка. Но все равно плохо кончил. Его перехитрила лиса.

– Вот как? Хм... Предположим, Механик решил начать собственную игру. Но где он был целых семь лет?

– Неизвестно, в каких условиях Механику приходилось скрываться. Он мог получить тяжелое ранение и тайно лечиться. Или обратился к Богу – такое бывает с двойными агентами. А потом вернулся на грешную землю и вспомнил о нас. Возможны разные варианты.

– Вот именно! – воспрял духом Бред Коннорс. – Я не могу докладывать президенту непроверенную информацию. Разоблачение русского шпиона имело достаточный политический резонанс. Теперь мы должны заняться рутинной. Надо все проверить и перепроверить! Мы не должны руководствоваться догадками.

– Да, сэр! – Фрэнк Рассел знал, что энергия шефа подпитывается блеском в глазах подчиненных. Одухотворенное лицо директора ему было милее кислой физиономии.

– Письмо пришло из Калининграда, отель «Дона». Там семь лет назад, насколько я помню, останавливался Механик.

– У вас отличная память, сэр.

– Так вот, настало время вернуться в исходную точку. Надо еще раз поворошить давнюю историю. Разгадка зарыта именно там!

– Согласен!

– Пошлите в Калининград нашего агента, который хорошо разбирается в местной обстановке. Есть на примете такой человек?

– Это не проблема, сэр. После развала Советов в соседней Литве началось разоблачение сотрудников КГБ. Их отдавали под суд как изменников Родины.

– Ох уж эти демократии в коротких штанишках. Как будто мощное государство может существовать без рыцарей плаща и кинжала.

– Мы вовремя остановили глупый процесс. Точнее, возглавили. Отфильтровали самых толковых сотрудников и предложили им работать на нас. У них не было выбора. С одной стороны, тюрьма и презрение общества, а с другой – твердая валюта и наша защита.

– Бывших разведчиков не бывает. Они лишь меняют хозяев.

– Так точно, сэр. Разрешите начать операцию?

– Назовем ее... «Колобок». Так, кажется, звали шустрого бегуна из русской сказки?

– Название ассоциируется с Россией, – заметил Рассел.

– Ты прав, надо придумать что-то нейтральное. Кто слопал Колобка?

– Лиса.

– Тогда... Операция «Хитрая лиса». Как тебе?

– Отличная мысль, сэр.

– Действуй незамедлительно!

– Я позабочусь, чтобы наш агент срочно прибыл в Калининград.

Ушлый Фрэнк Рассел не стал уточнять, что агент Чайка уже получил задание и находится в пути. Начальство не вникает в процесс, ему подавай результат. А умный подчиненный способен подталкивать мысль начальника в нужное русло.

– И еще, – Бред Коннорс жестом остановил поднявшегося Фрэнка Рассела. – Что с семьей Механика?

– Я выясню и доложу, – уклончиво ответил Рассел на неприятный вопрос.

Первый день, Калининград, 14-00

Я приподняла опустевший стакан. День был жарким, а вода – холодной, донышко оставило влажный отпечаток на столе. Кирилл Коршунов открыл мини-бар.

– Вода закончилась. Сок?

– Может, что-нибудь поинтереснее? Мы все-таки на курорте.

Кирилл извлек маленькую бутылку белого вина и захватил два чистых бокала.

– Хотя мы на службе, но...

– Если бы знала, что ты такой зануда, ни за что бы не вышла замуж.

– А кто тебя спрашивал?

Тут он прав. Контора в своем репертуаре. Я увидела запись в новеньком паспорте, спустя семь лет после регистрации брака. И только тогда узнала свою новую фамилию – Коршунова.

– Кирилл, ты мне хотя бы покажи наш ЗАГС.

– Зачем? Тебя никто пытаться не будет.

– Никакой романтики.

– Обещаю устроить праздничный ужин.

– С цветами?

– И лучшим шампанским.

– Ну, смотри, я тебя за язык не тянула. – На самом деле все наоборот. Из мужиков приходится вытягивать даже маленькие радости.

Он разлил вино, бокалы обхватил бутон из влаги. Обошлись без тоста. Я пригубила ярко-соломенный напиток и спросила:

– Про какой инцидент ты говорил?

– Следующим утром, третьего июля, Назаров устроил скандал. – Коршунов заглянул в смартфон. – Он позвонил по телефону, указанному в рекламном буклете, который получил вместе с янтарной Царевной-лягушкой. И разговаривал с мастером Никитой Бреусовым. Назаров заявил, что ему подсунули брак, что он купил не произведение искусства, а халтуру. Мастеру стоило немалых усилий успокоить клиента и выяснить, чем же конкретно он недоволен. Оказалось, Назаров обнаружил на брюхе лягушки какую-то трещину. Бреусов предположил, что трещина возникла из-за гравировки. Мол, это не его вина, но любезно пообещал устранить дефект. Янтарь плавкий материал, и он исполнит все идеально. В конце концов, они договорились, что Назаров сдаст лягушку в магазин, а вечером заберет ее обратно. Бреусов обещал предупредить продавщицу.

– Ваш полковник скандалист?

– Он не наш, а из СВР.

– Да какая разница! Сам говорил, что выпорхнули из од-

ного гнездышка.

– Вообще-то сотрудники наших ведомств умеют контролировать эмоции.

– Контролировать? То есть управлять. Тогда Назаров специально устроил скандал.

– Зачем?

Я пожала плечами и предположила:

– Условный пароль. Зашифрованная информация. Контакт со связным. Что там еще практикуется в шпионском арсенале?

– Назаров знал, что его прослушивают, и вряд ли бы пошел на необоснованный риск.

– Он отнес лягушку?

– Да, отнес. А вечером получил обратно.

– Так, может, это был контейнер для микропленки?

– О чем ты говоришь? Времена микропленок давно прошли. Сейчас век компьютерных технологий.

– А как же ваше чертово досье в виде обычных бумаг?

– Понимаешь, особо важную информацию: досье агентов, их донесения – до сих пор предпочитают хранить в папках. Считалось, что так безопаснее. Существует куча технических примочек для предотвращения утечки электронных данных. А вот папки... Никто не мог предположить такую наглость.

– Я поняла. С вами чем проще – тем лучше.

– Ну-у, – беспомощно развел руки Кирилл. – Одно могу

сказать, это не мой прокол.

– Иначе бы я стала вдовой.

– Кстати, о твоей гипотезе про контейнер. Янтарную лягушку мы потом обнаружили в номере Назарова. Просканировали ее, просветили и даже распилили. Обнаружили небольшую внутреннюю полость.

– Вот! Я оказалась права?

– Не совсем. Наши эксперты провели всесторонний анализ. Лягушка сделана из нескольких самородков янтаря. Никаких инородных тел внутри нее не было. Ни одного микрона.

– А если микрокапсула тоже была из янтаря?

– Не надо усложнять, Светлая. Это только в фильмах придумывают подобные заморочки. В жизни все проще. Мы допросили продавщицу из музея, изучили все связи мастера.

– И? – поторопила я неожиданно умолкнувшего Кирилла.

– На первый взгляд, все чисто. – Коршунов хмурился, что-то вспоминая и тыкая пальцем в сенсорный дисплей.

– А на второй?

– А на второй... Никита Бреусов, тот самый мастер, который изготовил Царевну-лягушку, скоропостижно скончался от инфаркта. Прямо на улице, недалеко от Музея янтаря. Сорок два года было мужику.

– Вот это да! Когда это произошло?

– Через два дня. Пятого июля вечером.

– Назаров причастен?

– Про это я хотел спросить у тебя.

– У меня?.. Тогда у меня тоже вопросы, да еще какие! Шестого июля вечером я оказалась в ужасной ситуации...

– Стоп-стоп! Так не пойдет, – спохватился Кирилл. – Давай двигаться планомерно, а не скакать с пятого на десятое. Теперь твоя очередь рассказывать. Третьего июля ты прилетела в Калининград. И сразу поставила меня в тупик.

Первый день, Калининград, 14-25

Я допила вино и фривольно прищурилась.

– Чем же я тебя удивила, милый Посредник?

– Выбором этой гостиницы на отшибе.

– Ты еще скажи, что я женщина-загадка. – Кошачья игривость, которую так любят мужики, мне не удалась. Ее слизнула горькая усмешка. – Я не загадочная барышня, а битая жизнью сука. С моей профессией приходится быть осторожной. Кто такой Посредник, я тогда не знала, ты умело маскировался. Я вынужденно доверяла инструкциям, но не слепо. И тем более не в тот раз.

По-моему, я разразилась самой длинной тирадой за десятилетие. На протяжении многих лет я привыкла быть одна. Если в постели с Кириллом мне сразу удалось раскрепоститься – иногда я позволяла себе сексуальные отдушины с незнакомцами – то в простом общении первые дни я чувствовала себя скованно. Я заново училась говорить. И училась улыбаться. Не тупо растягивать губы, как бывало раньше, когда требовалось ввести противника в заблуждение, а просто так, потому что мне хорошо и радостно.

– Чем же то задание отличалось от предыдущих? – насутился Коршунов.

– Я ощущала себя голой.

– Да?

– А как иначе? Прилетела сюда на самолете, без оружия. Я лет пятнадцать днем и ночью имела под рукой ствол. Только с оружием чувствовала себя спокойной. И вот... Иду на задание голой и беззащитной.

– Ну, не голой же?

– Тебе не понять. Для женщины эти слова – синонимы. В некоторых случаях, конечно, голое тело помогает обезоружить глупого самца. Но это не про меня. Я предпочитаю действовать на расстоянии полета пули. Теперь понятно?

– В общих чертах.

– Где тебе. Ты и сейчас при стволе.

Мы оба покосились на кобуру, висевшую на стуле. Коршунов сдал пистолет при регистрации на самолет и получил его обратно после приземления. Хорошо быть офицером спецслужбы.

– Перейдем к делу, – поторопил он. – Итак, ты прилетела...

– И вышла из аэропорта. На мне одежда, на плече сумка, но под прицелом глаз... Ну, ты понял мои ощущения. Я села в случайное такси, по пути разговорилась. По адресу, который дал Посредник, я не захотела ехать. Настроение было подавленное, всех подозревала...

– Вот этим ты меня и озадачила.

– Я поболтала с таксистом о гостиницах. Тот стал пред-

лагать свои услуги. Уверял, что все отели забиты, но у него есть знакомства, устроит в лучшем виде. Я киваю, но случайным доброхотам в моем положении доверять нельзя. И вот, мы еще не въехали в город, я замечаю на дороге указатель. Отель «Усадьба». Я торможу его и прошу свернуть. Водила недоволен, но я настаиваю. Сворачиваем. Уютное здание в тихом месте мне сразу понравилось. Оказалось, что отель только открылся, и свободные номера на выбор. Я поселилась в двенадцатом.

– И сообщила мне.

– Да, сразу послала по электронной почте закодированное письмо Посреднику. Проинформировала, куда доставить оружие. Чувствовала себя без пистолета безруким инвалидом.

– Венерой Милосской, – подсказал Кирилл.

– Голой и безрукой, – согласилась я. Завидую умеющим шутить. Я потеряла это качество еще в утробе матери, которую никогда не знала. – Но пальчики у меня все-таки были. Я раскрыла твое послание... Оно мне не понравилось.

– Чем же?

– Там было фото Назарова, информация о том, где он остановился, и требование следить за ним до особого сигнала. Вот этого я не люблю. Ты связывал мне руки. – Я остановила жестом новую шутку, пытавшуюся сорваться с губ Кирилла, и объяснила: – Обычно я жду удобного момента и нажимаю на курок. А тут игра в кошки-мышки. И никаких

сведений о клиенте, кроме внешнего вида. Ты знаешь, мне легче работать, когда уверена, что заказали сволочь.

– Сейчас ты понимаешь нашу осторожность.

– И ты меня пойми!

Коршунов поспешил плеснуть в мой бокал остатки вина. Мужчинам знаком только один способ успокоить нервы. И еще – заискивающая улыбка, если речь идет о женщине, с которой предстоит стянуть трусики.

– Я получил твое сообщение и тут же забронировал соседний номер в «Усадьбе».

– Ты не разочаровался в моем выборе?

– Если ты про последнюю ночь, то, конечно, нет.

– А у тебя был кто-то еще здесь?

– Светлая, ты меня не так поняла.

– А что же ты приплел *если*?

– Да я... – Глазки Кирилла непривычно забежали. – Я прилетел сюда ради тебя. Я же говорил о своих планах.

– Ладно. – Наигранную вспышку ревности я посчитала достаточной. Мужчина должен чувствовать себя виноватым. Даже если никакой вины за ним нет.

– Может, закажем обед в номер? – сменил тему Коршунов.

– Не наелся в самолете?

– Да что там было. А тут хороший рестораник.

– Предпочитаю сохранить аппетит до ужина. Ведь ты обещал нечто шикарное.

– Как скажешь, – нехотя согласился Кирилл. Он потер

люб, возвращаясь в рабочее состояние. — Кстати, в то самое время, пока ты устраивалась в отеле, Назаров посетил следователя Мартьянова.

— По делу «замурованной ведьмы»?

— Точно.

— И что он там нарыл?

Кирилл несколько раз коснулся сенсорного экрана и развернул файл.

— Вот копия уголовного дела на тот момент. Назаров изучал его больше часа. По словам следователя, вопросов он не задавал, сам ничего нового не сообщил.

Я с нездоровым любопытством просматривала старое дело, возбужденное по факту обнаружения останков неизвестной девушки. Фотографии, описание места преступления, данные экспертизы.

— Ее изнасиловали и сразу убили.

— Почему ты так решила?

— Положение рук, ног, тела. Она не была связана и в то же время не пыталась выбраться.

— А если она пробовала, но не смогла?

— Нет. Посмотри на блоки. Стенка сложена наспех. Здоровая женщина в экстремальной ситуации пробила бы ее.

— Возможно, ее сильно избили. У нее было мало сил.

— Когда человек слаб, он сжимается калачиком. А она лежит навзничь, раскинув ноги. И шея...

Кирилл не стал спорить. На одном из снимков я увидела

овальное изображение орла с расправленными крыльями.

– Что это? – Я увеличила фотографию и сразу вспомнила о несбыточной мечте своей юности: – Джинсы «Монтана»! Такая нашлапка была на заднем кармане джинсов «Монтана»!

– Верно. Джинсы нашли рядом с телом.

– Вот видишь, ее раздели! Девушку изнасиловали и задушили. А потом наспех замуровали тело.

– Теперь я верю, что у нас получится. Следователь тоже пришел к такому выводу.

– Так это что, была проверка? Не мог сразу сказать!

– Хотелось послушать ход твоих рассуждений. Не женская ли это солидарность? Ведь женщины не всегда жертвы, бывает, что...

– Всегда! – Я резко прервала его. – От хорошей жизни женщина не возьмется за оружие. И солидарность – отнюдь не плохое качество.

– Успокойся. Наша работа заключается в том, чтобы вспоминать и анализировать. Мы должны под микроскопом изучить каждый шаг Назарова. Где он мог спрятать документы?

– В прокуратуре. Отличное место, там много сейфов.

– Представь себе, мы не исключали и этот вариант. Отработали возможные связи Назарова с сотрудниками прокуратуры, провели опрос, но... Рядом с прокуратурой несколько административных зданий с камерами видеонаблюдения. На одной из записей мы зафиксировали появление Назарова у

входа. Папки в его руках не было.

– Под одеждой тоже не спрячешь. Помню, было жарко. Он все дни носил рубашку с коротким рукавом.

– Как будто специально демонстрировал – вот он я, открыт.

– А чем он объяснил интерес к делу «замурованной ведьмы»? – спросила я.

– Полковник СВР из Москвы не обязан объяснять следователю провинциальной прокуратуры свои действия. Надо – и все.

– Государственная тайна?

– Типа того.

– А твое мнение? Вы же думали над этим?

– Я уже говорил, будучи старшим лейтенантом, Олег Назаров отдыхал в санатории в Светлогорске. Предположительно в этот год была убита неопознанная девушка. Это единственная связь, которую мы раскопали. Но мы не можем сопоставить сроки. Он отдыхал три недели в мае, а когда была убита девушка – неизвестно.

– Вы узнали, кто она?

– Да не наше это дело. У нас стояла совершенно иная задача – найти досье!

– В газете упоминались особые улики. Имелись в виду джинсы «Монтана»?

– И еще кое-что. Смотри дальше.

Я листала электронные страницы.

– Вот! – остановил меня Кирилл.

На фотографии виднелось с несколько одинаковых изогнутых штырьков. Пара из них была увенчана круглыми горошинами. Судя по зафиксированной рядом линейке, их размер не превышал сантиметра. Я прочла описание. Штырьки из белого сплава с каплями янтаря, найдены рядом с телом. Вероятно, элементы истлевшей одежды.

– Девушки любят блузки с украшениями, – задумчиво пробормотала я. – Но штырьки – они ведь железные, будут колоть.

– Изготовлены из стали. Неизвестно, имеют ли они вообще отношение к убитой.

– Возможно, это улики, которые выведут на убийцу?

– Легко сказать. Столько лет прошло.

– Как Назаров отреагировал на материалы дела?

– Никак. Поблагодарил следователя и ушел. Больше ни разу не звонил, хотя телефончик взял.

Я задумчиво перелистывала электронные страницы уголовного дела.

– Неужели за семь лет так и не узнали, кто она?

– Нет. А как?

– Должны же быть способы.

– Это на Западе имеются стоматологические карты, а у нас, да еще в те годы... Если бы у погибшей был серьезный перелом при жизни, это дало бы хоть какой-то шанс.

– А еще лучше, если бы у нее не было рук или ног. Вот бы

следователь порадовался, — съязвила я.

— Сама понимаешь, у каждого следака есть дела поважнее древних захоронений.

Я еще раз остановила взгляд на фотографии с миниатюрными штырьками. На что же они похожи? Я чувствовала, ответ близко, нужно только дотянуться. Наверняка вам знакомо это чувство. В голове что-то вертится, до боли знакомое, но никак не можешь ухватить и вспомнить.

Первый день, Калининград, 14-40

Андреас Станкевичус неплохо знал Калининград. В бытность сотрудником КГБ он приезжал сюда в командировки из Вильнюса, а бывшее советское прошлое позволяло ему хорошо ориентироваться как в хитросплетениях человеческих отношений, так и в подспудных слоях современной российской действительности. Ведь принципиальных изменений в России не произошло. Изменился масштаб. Мелкие прыщики на однородном теле общества взметнулись в горные пики, а малозаметные ямки разверзли пасть бездонных ущелий. Богатые стали богаче, преступники – наглее, чиновники – беспринципнее, артисты – развязнее, а порядочные менты сохранились только в кино, да и то не во всяком сериале.

В карманах Станкевичуса имелось два фальшивых удостоверения на прежнее привычное имя Андрея Станкевича. В одном он значился полковником российской полиции, в другом – подполковником ФСБ. И возрасту соответствует, немного за пятьдесят, и достаточно скромно по нынешним временам. Судя по теленовостям, в России каждую неделю задерживают то псевдогенерала, то лжесенатора. И каждый самозванец хотел что-то урвать или кого-то облапошить. Ви-

димом, для настоящих обладателей таких удостоверений подобные занятия – дело обыденное. Поэтому они и охраняли свои кланы от проходимцев-конкурентов. Станкевич разоблачения не опасался. Его задача была скромнее – добыть информацию.

Агента заокеанской разведки под кодовым именем Чайка интересовали события семилетней давности, произошедшие в номере 308 отеля «Дона». Чем не повод поселиться в нем? Естественно, расспрашивать владельцев или руководство отеля он не собирался. Темная история касалась ФСБ, а эти ребята наверняка имеют свои «глаза» и «уши» среди персонала. Кто-нибудь да капнет. Но всякий отель живет не только официальной жизнью. Какая только шушера вокруг не вертится. Да и среди работяг всегда найдутся обиженные. А кто больше всех знает о постояльцах? Конечно же, горничные. С поиска уволенной горничной и начал свое расследование опытный агент.

Он попросил заменить полотенца. Явившаяся в номер грудастая тетка оказалась словоохотливой. Щедрое чаевое – и через пять минут Станкевич знал, что его путь лежит на городской рынок.

К рыбным рядам Станкевича вывел чуткий нос. Здесь он не удержался и купил копченого угря метровой длины. Литва по указке ЕС ввела ограничения на лов редкой рыбы, а в России запрещенные списки – дополнительный стимул для рыбаков. И ловят, и торгуют, а заворачивая, с особой гордо-

стью объяснят, что это редкая исчезающая порода.

Уже с покупкой Станкевич заприметил пожилую уборщицу и подошел к ней.

– Где найти Соньку Воробьеву?

– Соньку? – уборщица пытливо разглядывала незнакомца.

Можно было сунуть тетке полтинник, но Станкевич и так потратился на дорогую рыбу, поэтому грубо щелкнул милицейской корочкой перед носом уборщицы.

– Где Воробьева?

Уборщица указала на подсобку и забубнила что-то неласковое в адрес ленивой напарницы. Станкевич открыл указанную дверь. Замотанного в бумагу угря он держал наперевес, как бейсбольную биту. В подсобке дородный грузчик тискал подвыпившую бабенку. Он уже опрокинул ее животом на ящики и активно щерудил руками ниже талии. Однако процесс еще не зашел до стадии вагончика и толкача-паровоза.

– Софья Воробьева? – гаркнул Станкевич. – Вы арестованы за кражу личного имущества.

Баба замерла, мужик скосил мутный взор, переваривая услышанное. Станкевич повторил трюк с милицейским удостоверением. Он умел тремя пальцами открывать и лихо хлопать корочками.

– Хотите быть свидетелем? – миролюбиво поинтересовался он у кавалера, застегивающего ширинку. Агенту пришлось одновременно играть роль плохого и хорошего поли-

цейского. Мужик затряс головой. – Тогда покиньте помещение.

Оставшись вдвоем, Станкевич позволил женщине оправиться и заявил:

– Я расследую кражи в отеле «Дона». Есть сведения, что ты...

– Но я уже давно там не работаю, – спохватилась бывшая горничная Сонька.

– Я знаю. Тебя как раз и уволили за кражи. А срок давности еще не вышел.

Сонька молчала. Агент продолжил давление.

– Семь лет назад у одного постояльца украли особо ценное ювелирное украшение. Ты хочешь чистосердечно признаться?

– Я? Нет. Я не брала!

– А свидетели указывают на тебя, Воробьева.

– Кто? Директриса?

– В том числе.

– Да я... Я никогда... Только если деньги открыто лежат. Ну, вы знаете, чаевые.

– Хороши чаевые. Тиснула драгоценное кольцо и дурочку корчишь.

– Не видела я никакого кольца.

– А постояльца потом убили. Это совсем другая статья. – Станкевич грозно навис над растерянной женщиной и резко повысил голос. – Кому ты дала наводку?

– Я ни при чем. Я не занимаюсь такими делами.

– Тогда кто? Кто с ним общался? Ты убирала в 308-м?

– Да.

– Кто к нему приходил?

– Я не знаю.

– А если вспомнить? Может, в следственном изоляторе к тебе память вернется? Если ты по-хорошему не понимаешь, я устрою встряску.

– Проститутка у него ночевала. Ее и трясите, – захныкала перепуганная женщина.

«Уже интереснее, – решил Станкевич. – Можно и ослабить напор».

– Ты ее видела?

– А то. Я уже половину этажа убрала, когда она из номера выходила. Шалава пышноволосая. Она и в другой гостинице работала, где я убиралась.

– Как ее зовут?

– А черт ее знает. Они все там Линды и Анжелы. Нам от них не перепало. У портье спросите.

– Опиши ее.

– Волосы светлые. Пупок голый. Фигура не очень, бревно. А, вспомнила! Ее Евой кличут. Шевелюра у нее видная, а остальное – так себе.

– Ева, говоришь. Это ее настоящее имя?

– Я в паспорт не заглядывала.

– Ну, ладно, Софья Воробьева. Вернемся к погибшему.

Ты видела его тело? Где были раны?

Уборщица шмыгнула носом, вытерла руку о платье.

– Кто ж мне покажет. Это ночью случилось, а я с утра работаю. Начальство велело молчать, чтобы не отпугнуть постояльцев. Нас, горничных, только через неделю в тот номер пустили. Там и убирать было нечего. Все вещи умыкнули, даже матрас с кровати.

– Значит, как выносили тело, ты не видела?

– Не-а. По правде сказать, я наших спрашивала, никто не видел. Там серьезные люди работали. Все в штатском, лица каменные, ментов на порог не пускали. – Воробьева прищурилась. – Э, а вы из каких будете?

– Откуда надо. – Станкевич решил свернуть разговор. Припугнул тайной следствия, пригрозил арестом за дачу ложных показаний и удалился. На первый раз он почерпнул достаточно информации.

Первый день, Калининград, 14-55

– Теперь твоя очередь вспоминать, – вывел меня из оцепенения Коршунов. – Ты же наблюдала за Назаровым третьего июля.

– Да-да. – Я не стала делиться неясной ускользающей догадкой.

– Так рассказывай.

– Я устроилась в номере, получила твое задание по электронке и взяла напрокат автомобиль. Мне помогли служащие отеля. Это был старенький «Опель» с затемненными стеклами. Поначалу я расстроилась, а потом поняла, что ничем не выделяюсь на улицах. Калининград – это кладбище немецкого автопрома.

– Скорее дом престарелых, с палатами интенсивной терапии в виде автосервисов. Но для конспирации – то, что надо.

– Я косила под отдыхающую. Поэтому напялила летнюю шляпу с опущенными полями, пестренький костюмчик, лицо прикрыла огромными темными очками, на плечо повесила сумочку, к сожалению, без ствола, и направилась к отелю «Дона». Карту города и области я изучила еще в самолете. Гостиницу нашла сразу. Осмотрелась, прикинула точки обстрела. Выбор был невелик. Чтобы мое поведение выглядело

естественно, я зашла в ресторан при отеле, «Дольче вита», и решила пообедать.

– Вот! А мне запрещаешь обедать после самолета. Где справедливость?

– Я действовала по интуиции, и она меня не подвела. В ресторане я засекла Назарова...

– Ну, – поторопил Коршунов.

– Первый контакт с клиентом всегда волнующ. Присматриваешься, оцениваешь. Кто он, как себя поведет, чего ожидать? И самое неприятное... Смотришь на человека и знаешь: скоро он умрет.

– Давай без сантиментов. Как он тебе?

– Назаров выглядел уверенным в себе мужиком, но осторожным. Сидел спиной к стене, лицом к залу. Головой не вертел, но глазки то и дело сканировали пространство. Я поняла, что с ним будет непросто. Не бизнесмен и не бандит, и на чиновника не тянет.

– Это почему же?

– У тех всегда чванливость на морде при общении с обслугой. А этот на задницу официантки не пялился, смотрел в лицо и на движение рук. Он заканчивал обед, поэтому я заказала только салат и сок. Для подкрепления имиджа культурной дамочки – самое то. Как видишь, я не набивала брюхо.

– Ценю твою солидарность.

– Назаров вызвал такси по телефону. Хорошо, что я поза-

ботилась о машине. В общем, я направилась за ним. Как оказалось, Назаров ехал в Светлогорск. Там он отпустил такси и потопал в Центральный военный санаторий. Я узнала это по табличке.

– В этом санатории Назаров отдыхал за шестнадцать лет до этого.

– Он зашел в главный корпус, потолкался у стойки регистрации. О чем спрашивал, не знаю. Ему покачали головой. Потом он заинтересовался лечебными процедурами. Взял со стенда буклет и пошел к морю. На берегу есть лифт, который опускается прямо к пляжу. Он на нем и спустился.

– Мы в курсе, что он спрашивал о свободных номерах. Ему отказали. Но пляж – это темное пятно. Что он там делал?

– Пока он ехал в лифте, мне пришлось побегать. Я спустилась по петляющим дорожкам. В лифт пускают по билетам, едет он медленно. В общем, я успела.

– Назаров тебя не засек?

– Вряд ли. Была отличная погода, много отдыхающих, мне ничего не стоило держаться рядом, но не бросаться в глаза. К тому же запоминающуюся шляпу и жакет я оставила в машине. Вышла в легкомысленном топики.

– Что дальше? – не терпелось узнать Кириллу.

Я задумалась, сосредоточилась. Затвердевшая память, как ледяная глыба под солнцем, дарила отдельные сочные капли, которые никак не хотели слиться в полноценный ру-

чей воспоминаний. Прекрасно помню свою шляпу, босоножки, сумочку. Когда торопливо сбегала к набережной, смотрела под ноги и поняла, что если я хочу казаться отдыхающей, необходимо сделать педикюр. А вот другие детали...

Я сделала резкое движение руками, словно сбрасывала с лица вуаль.

– Знаешь, я хоть и начинающий сыщик, но так расследование не проводят. Что мы здесь видим, кроме смятой кровати? – Мы оба посмотрели на бардак, который учинили в номере. – Поэтому нам и вспоминается та шальная ночь.

– А что ты предлагаешь?

– Надо ехать на место, чтобы освежить память.

– В Светлогорск? Прямо сейчас?

– Конечно! Вызывай такси, – скомандовала я.

Первый день, Светлогорск, 16-15

– Вот сюда заходил Назаров. – Я вертела головой в холле Центрального военного санатория. – Здесь все по-прежнему. Назаров подошел к стойке, а я остановилась у стенда «Наши лучшие врачи» и делала вид, что его разглядываю. Вот этот стенд. Да и фотографии, по-моему, те же. Теперь на пляж?

Кирилл кивнул. Мы спустились на Светлогорский променада – приподнятую над песчаным пляжем широкую пешеходную дорожку, тянущуюся вдоль моря. Свежий ветер играл оборкой легкого платья. Обычно я предпочитаю брюки, платье купила ради Коршунова. Впрочем, пусть и другие посмотрят на мои ножки, мне нечего стыдиться. Да и загар не помешает. А вот педикюр теперь точно придется сделать.

Кирилл держал меня под руку. С ним было спокойно. Я вертела головой, воскрешала забытые образы и легко вспоминала.

– Назаров спустился в лифте, прошелся по променаду и присел в летнем кафе. Вот в этом. Мне пришлось тоже пить пиво. Выбрала местное, оказалось неплохое.

– Может, и мне попробовать?

– Только целоваться после этого не лезь. Пиво мне нравится, а вот пивной запах изо рта...

– До вечера далеко, – хитро улыбнулся Кирилл. – Назаров с кем-нибудь разговаривал в кафе?

– Разве что с официанткой, замотанной девушкой. Он посидел минут двадцать, затем устроился на пляже. У него было и полотенце, и плавки, а у меня... Я не подготовилась к такому повороту событий. Что делать? Не торчать же часами в кафешке. Пришлось подняться на торговую улицу, пробежаться по магазинам и срочно купить купальник. Без примерки! Чувствовала себя отвратительно! Не покупка, а безобразие.

– Зачем так переживать?

– Был бы женщиной – понял. Для женщины после тридцати купальник важнее любой другой одежды. Все тебя видят, рассматривают, оценивают. Тут надо скрыть, это подчеркнуть, чтобы не жало и не болталось, а расцветка – отдельная тема. В общем – проблема. А я схватила первое попавшееся – и галопом. Ужас!

– Теперь понимаю.

– Отсутствовала я не меньше получаса, но Назаров никуда не делся. Я расположилась метрах в двадцати от него. Вот здесь, подальше от воды. Мой подопечный к этому времени флиртовал с какой-то дамой. Немолодой – и это меня удивило. Назаров – мужик в расцвете сил, подтянутый, с харизмой, а вокруг столько красоток. На пляже всегда женщин больше, чем мужчин.

– Наверное, желание раздеться и продемонстрировать

свои прелести у вас в крови.

– Поговори у меня! Женщины о здоровье больше заботятся.

– Как выглядела та дама? О чем Назаров с ней говорил? – вернулся к главной теме Коршунов.

– Я не могла слышать их разговор, но поначалу он не был веселым. Это точно. Женщина выглядела расстроенной. Назаров активно пытался ее развеселить, даже затащил в воду. Она не оценила такой подход и вскоре ушла.

– Это была случайная встреча?

– Не думаю. Расстались они достаточно нежно. Прикосновение рук, теплый взгляд. Со случайной пассией, которая тебя отшила, так не прощаются.

– Он мог передать ей документы?

– О, господи! Не забывай, тогда я ничего не знала о ваших документах. Я наблюдала за клиентом, чтобы определить его маршруты, привычки и выбрать удобную точку для выстрела.

– И все-таки?

– По-моему, у него был пакет с полотенцем.

– Да в нем можно что угодно спрятать! Что это за дама? Ты можешь ее описать?

– Дама... На время выполнения задания у меня словно включается фотографическая память. Я запоминаю каждую деталь. Но потом лучше все забыть – иначе свихнешься. Я стираю воспоминания.

– Ну попробуй, Светлая.

– У нее была тяжелая грудь и закрытый купальник... Черный, по-моему... – Я задумалась, пытаюсь припомнить что-нибудь еще, но вскоре бросила бесполезное занятие и возмутилась: – Коршунов, имей совесть, семь лет прошло!

– А еще говоришь – фотографическая память. Какого размера грудь? Покажи похожую.

Он небрежно скользнул взглядом по моему бюсту и стал высматривать женщин с формами. Ну, гад! У меня грудь маленькая, но не обвисшая. Не стыдно и топлес ходить. От досады я покрутила подбородком и ткнула его локтем в бок. Толчка оказалось мало, он продолжал пялиться на грудастых теток. Я развернулась, чтобы высказать все, что думаю о мужском хамстве, но неожиданно замерла. Мой взгляд смотрел поверх плеча Коршунова.

– Ты чего? – насторожился он.

От променада в море тянулся мостик, который называли Капитанским. На нем работал долговязый фотограф с обезьянкой. Он активно зазывал отдыхающих сделать незабываемое фото. Я вспомнила скрипучий голос, худую фигуру и торчащие из-под бейсболки неопрятные пряди волос. Семь лет назад, потягивая холодное пиво, я имела возможность разглядеть курортного фотографа, назойливо пристававшего к каждому зашедшему на Капитанский мостик. Но тогда он работал с пони.

– Ты хочешь найти ту бабу с большими сиськами? – спро-

сила я Кирилла.

Мой голос был вызывающим. Мужу пришлось оправдываться.

– Возможно, она ключевое звено и выведет нас на документы.

– Тогда пойдем.

– Куда?

Я потянула Коршунова на Капитанский мостик к фотографу. Когда Кирилл догадался о конечной цели нашего маршрута, он зашипел:

– Я не хочу фотографироваться. Мы не должны светиться.

– Молчи. Говорить буду я.

Фотограф заметил потенциальных клиентов и радостно взмахнул загорелой рукой, будто выиграл в лотерею.

– О, молодые люди, у вас исключительный вкус, вы выбрали лучшее время для съемки! Сейчас у моря самый насыщенный цвет, а солнечные лучи дают такие блики, какие не сделаешь ни одним фотошопом. – Он уже держал меня за плечо и ласково заглядывал в глаза: – Экспозиция идеальная, ни убавить, ни прибавить. Становитесь сюда. Мартышку можете взять на руки, она ручная. Ее зовут Бомбини, ей четыре годика. Она не укусит.

– А где же пони? – я с трудом прервала словесную тираду фотографа.

– Пони?

– Я отдыхала тут раньше, и у вас был пони с доброй мор-

дой. Дети любили на нем фотографироваться.

– Вы про Люсьена, – вспомнил фотограф. – Ничто не вечно в этом мире. Да и клиентам хочется разнообразия. Я беру животных напрокат, только на время сезона. Содержать животное целый год совершенно невыгодно. Вы фотографировались с Люсьеном?

– Семь лет назад. Это был замечательный кадр. Вы потрясающий мастер, я там так хорошо получилась.

– Вы не можете получиться плохо. Ваша фигура – совершенство.

Наверняка прожженный плут поет эту песню даже неудачникам шоу «Похудей на 50 килограммов», но все равно было приятно. Пусть Коршунов послушает. Я посмотрела на недовольную мартышку и скорчила такую же гримасу.

– Годы идут. Сейчас я совершенство, а тогда – идеал. Хоть на обложку модного журнала. Но вот беда, фотография сгорела. Пожар на даче, и... все фотки утеряны. А так хочется вернуть молодость, хотя бы лучшие образцы. Может, у вас сохранился кадр?

– Семь лет, говорите? Я обещаю хранить только месяц. Обычно никто не просит повторить снимок.

– У нас необычная ситуация. Недавно я вышла замуж. – Я жеманно прижалась к Коршунову, тот улыбнулся стиснутыми губами.

– Поздравляю.

– И муж хочет узнать, какая я была раньше. А мне нечего

ему показать. Вот если бы вы нам помогли и нашли кадры семилетней давности. Муж заплатит любые деньги. Правда, дорогой? – Кирилл мужественно кивнул. Я включила обаяние и шагнула к фотографу неприлично близко. – Вот видите, он согласен. А я даже дату помню. Третьего июля. Попробуйте поискать. Ну, пожалуйста.

Я провела ладошкой по предплечью фотографа, изобразила смущенную улыбку. Мужик поплыл.

– Это непросто. Обычно я даю сыну сменную карту памяти, и он в конце дня привозит готовые снимки. Клиентам нравится получать фотографии день в день. Семь лет назад у нас, кажется, был старый компьютер... Ну да, старый. Потом я купил ноутбук, а старый... Вы знаете, кажется, он у нас сохранился. Можно попробовать, но...

Фотограф сначала закатил глаза вверх, затем выжидательно уставился на мои руки. Я поняла – моего обаяния недостаточно. Я поманила Кирилла и выудила из его портмоне две тысячных купюры.

– Это аванс. Но без меня вы не сможете отыскать кадр. Мне надо самой смотреть.

– Ну конечно, – оживился фотограф, забирая деньги. – Скоро приедет мой сын. Можете отправиться с ним или подождать, пока я закончу.

– Нам бы побыстрее.

– Тогда поедете с сыном. Он на велосипеде. А вы?

– Мы возьмем такси.

– Замечательно. Если найдете кадр, с вас еще столько же. Устроит?

– Договорились.

– Тогда ждите. Не желаете сфотографироваться?

– Только не в этом платье. Оно кошмарное! Мне лучше найти ранние фото.

– Как хотите. Можете пока искупаться. Только далеко не отходите, я позову.

Мы с Кириллом сняли обувь и спустились на песок к подножию Капитанского мостика. Кирилл молчал, искоса поглядывая на меня.

– Сам догадался или объяснить? – спросила я.

– Не думаю, что, находясь в розыске, ты любила позировать фотографам.

– Это точно. Я даже видеокамеры на улицах старалась обходить.

– Рассчитываешь, что в кадр могли попасть Назаров с женщиной?

– А почему бы и нет? Камера с широкоугольным объективом, отличного разрешения. Назаров отдыхал метрах в сорока от места съемки у самой воды. Фоном курортных снимков всегда являются песок и море. Ты же просишь, чтобы я описала незнакомку? Я лучше тебе ее покажу.

– Мне бы твою уверенность.

– Привык сидеть в кабинетах, Коршунов. На воздухе лучше думается. Снимай ветровку, хватит париться.

Кирилл выразительно посмотрел на меня. Я вспомнила про пистолет в его наплечной кобуре. Вот они, издержки профессии. Как в рекламе, белое и обтягивающее не надевать.

Кирилл сжал мою руку, мы шлепали босиком по кромке моря. Я держалась ближе к берегу. Безбрежная масса воды, как всегда, пугала меня.

Первый день, Москва, утро

Анна Уильямс теперь просматривала корреспонденцию с особой тщательностью. Ее жизнь приобрела новый смысл. Отныне она не заурядный секретарь сомнительной компании, а бесстрашный проводник демократических американских ценностей в отсталый мир тоталитаризма. Аббревиатуру JFK Анна выискивала и слева направо, и в обратном порядке, и в середине слов. Сегодня в ее руки снова попало письмо, адресованное Джеймсу Ф. Кэли. На этот раз конверт был меньше, тоньше, новее, однако опять из Калининграда.

Анна вбежала в кабинет босса.

– Дэвид, JFK!

Бейкер дико завращал выпученными глазами. Анна смутилась. Конспирация! Есть вещи, которые нельзя произносить вслух. Она положила конверт на стол изнанкой вверх, чтобы невидимый «глаз», если его внедрили враги, не смог прочесть секретную информацию.

Уильямс вышла, ободряюще вильнув боссу бедрами. Дэвид Бейкер покинул кабинет спустя пять минут. Из Лондона он вернулся в хорошем настроении. Бросил загулы, отпустил благородную щетину, а его взгляд приобрел цепкую твердость, словно босс смотрел на мир сквозь прицел пи-

столета. Ни дать ни взять Джеймс Бонд в исполнении Шона Коннери. Сейчас нажмет на курок и небрежно сдует дымок из ствола. А потом разденет взглядом красотку за секретарским столом. А может, и не только взглядом.

«Ему бы животик убрать да ягодицы подкачать», – вздохнула Анна, разглядывая возбужденного босса.

- Я должен быть во Франкфурте, – сухо сообщил Дэвид.
- Тетушке нездоровится? – подыграла Анна.
- Да. Ее перевезли в немецкую клинику.

Первый день, Светлогорск, 16-30

Мы шли по пляжу. Глаза цеплялись за беззаботных красивых девушек. Они молоды и здоровы, у них вся жизнь впереди, а у той, в Доме советов, жизнь оборвалась на взлете. Ее растерзали на грязном полу. В памяти всплывали жуткие фотографии убитой и замурованной девушки. Кто она? За что ее убили? Кто это сделал?

Я вспомнила себя в двадцать лет. Любимый муж, очаровательный ребенок и вера, что все хорошее только начинается. Я была самой счастливой на свете, а спустя год не хотела жить. Моя жизнь рассыпалась в прах в одночасье. Приблизительно как у той девушки в «Закопанном роботе». Я выкабкалась, а ей не оставили шанса. Неужели убийца остался безнаказанным?

– Кирилл, ты показал мне материалы дела о замурованной девушке в том состоянии, как они были в начале расследования?

– Да. Мы идем по стопам Назарова. Что видел он, видим и мы.

– Что добавилось с тех пор? Почему так и не установили личность погибшей?

– Следователь делал запросы. Общий список пропавших

девушек имеется. Но он достаточно обширен и в то же время неполон.

– Как это может быть?

– Разброс в возрасте убитой: восемнадцать – двадцать лет. В эти годы девчонка может поругаться с родителями и уехать из дома. А страна тогда была огромной, границы с Литвой не было, сюда на курорт приезжали со всего Союза. Представь, приехал парень с подружкой из Москвы или Смоленска, поссорился, дал волю рукам, и девушка погибла. Он прячет труп и о пропаже не заявляет. Для знакомых сочиняет историю, что девушка ушла от него, а отдыхали они вообще дикарями в Крыму. Да и год, когда совершено преступление, установлен приблизительно. Может, чуть раньше или позже. Получается, что для полной картины надо запросить данные о пропавших девушках, по крайней мере, с европейской части страны за два года. И с каждым случаем разобратся.

– Разве не этим должны заниматься следователи?

– Ох, Светлая! Если бы каждый делал то, что должен, да еще на совесть. Тогда не было бы предателей, и пропавшими досье мы бы сейчас не занимались. А лежали здесь на пляже и...

– Ну, хорошо. А если сузить круг? – не унималась я. – Нам нужен только тот период, когда здесь отдыхал Назаров. Всего недели три, не больше. Это раз! Джинсы «Монтана» – это два!

– В те годы многие их носили. Писк моды.

– Это был дефицит. Дорогуший. Я, например, даже мечтать о них не могла.

– Не сравнивай свой интернат с курортным городом.

Мы остановились, пропуская трех веселых девушек, бегущих в море. В пупке у каждой блестела золотая безделушка. Одна из девушек стрельнула глазками в моего благоверного. Я впервые за много лет почувствовала укол ревности, заметив, как дрогнули в ответной улыбке губы Кирилла, и не знала, огорчаться или радоваться тому, что я перестала быть бездушной машиной. Сомнения длились недолго, меня обожгла неожиданная догадка. Туман памяти рассеялся, и я поняла, какие улики нашли рядом с истлевшим трупом.

– Есть еще одна примета. Самая главная! – выпалила я.

– Ты о чем? – Кирилл дернулся, переключая внимание с молоденьких тел на тридцативосьмилетнюю спутницу.

Я невольно втянула живот, которого и так не имела. И тут же разозлилась. Да во что я превращаюсь?! В куклу, которая только и думает, как она выглядит? В ревнивую жену с большим воображением? Я личность! Я такая, какая есть! И не собираюсь себя менять в угоду мужским взглядам.

– Не буду делать педикюр! – продолжая свои мысли, резко произнесла я вслух.

– Какой педикюр? – опешил Коршунов.

– Да не про педикюр я хотела сказать, а про пирсинг!

– Что?

– А вот что! Те штырьки с горошинками янтаря рядом с

останками – это средство для пирсинга. Их вставляли в уши, плотным рядком сверху вниз. В те годы пупки и брови еще не прокалывали, а вот уши... Сколько штырьков обнаружено?

– Штук пять. Большинство без янтаря.

– Возможно, девушка проколола только одно ухо. Или штырьки затерялись, как и янтарь, который отвалился.

– Не знаю. Если это был пирсинг, штырьки должны осыпаться рядом с черепом. Но их нашли в стороне.

– За столько лет всякое могло случиться. Грызуны. – Я поморщилась, представляя, как смерть расправляется с юным телом. – Тогда, двадцать три года назад, на пирсинг решались самые продвинутые девушки. Они бросались в глаза. Если у нас будут фотографии пропавших девушек, мы вычислим жертву.

– Допустим, ты права. Мы просмотрим тысячи фотографий, побеседуем с сотнями людей и узнаем, кто погиб. Но мы ищем досье. Досье, а не погибшую девушку! Для нас важнее последние контакты Назарова, а не те, стародавние. У нас попросту нет времени.

– Ты сделаешь это? Для меня. – Когда просишь мужчину, надо держаться как можно ближе к нему, но делать вид, что можешь ускользнуть. Мужчины в душе торгаши. Их хлопоты взамен на наше невысказанное обещание. Их воображение само нарисует желанную картину, ну а мы всегда можем промурлыкать, что нас не так поняли.

– Что ты хочешь? – Суровость в мужских глазах таяла.

Надеюсь, от моего чертовского обаяния, а не от прикосновения груди к его плечу.

– Мне нужны имена и фотографии пропавших девушек.

– За тот период, когда старший лейтенант Назаров отдыхал в санатории?

– Да.

– Ладно, я позвоню одному человеку, который должен нам помогать.

– Звони прямо сейчас.

– Неугомонная.

– То же самое можно сказать про тебя. В постели.

Кирилл расплылся в улыбке. Как же мало надо, чтобы польстить мужику. Вот уже глазищи заблестели, и рука загибающаяся полезла.

– Давай! Звони! – Я стряхнула его ладонь со своей попы. Обещание – это то, что будет когда-нибудь потом, а не сию минуту.

Он набрал номер, поздоровался с каким-то Егором Ивановичем и стал диктовать мою просьбу, придав ей антураж сверхважного задания. Я скромно отошла в сторону, чтобы не смущать мужа.

Теперь я замечала на пляже десятки девушек с пирсингом и татуировками на самых неожиданных местах. Невольно подумалось: а если и мне? Конечно, особая примета Светлону Демону ни к чему, но я ведь теперь добропорядочная леди Светлана Коршунова, да и приметы могут располагать-

ся там, куда не каждому добраться. И моему суженому явно нравятся пикантные штучки. Сам разговаривает по телефону, а зрочки так и бегают...

Мы оба начисто потеряли бдительность. В чем убедились в следующую секунду.

Первый день, Светлогорск, 16-50

Неизвестный как вихрь налетел со спины и цапнул меня за плечо. Непростительная оплошность! Рука дернулась к поясу, где я обычно прятала пистолет. Но сейчас я в просвечивающемся платье, сквозь которое виден фасон трусиков, а в сумочке никчемная гордость косметических компаний.

Срабатывает рефлекс. Захват запястья и бросок через бедро. На песке сублильный молодой парень в линялой футболке и подвернутых джинсах. Его вытянутое лицо кого-то напоминает.

– Я Влад, сын фотографа, – лепечет поверженный противник. Я осматриваю его фигуру – безоружен. Коршунов контролирует окружающих, держа правую руку под курткой. Парень один. Стрельба отменяется. – Отец договаривался с вами?

Ситуация разъясняется. Парень явно похож на фотографа, только в углах глаз еще нет морщин, и бейсболку он носит козырьком назад.

– Привет, Влад. Как я тебя подколола? – свожу я все к шутке. – Да мы это, мы!

– Тогда поехали. – Он встает и хмуро отряхивается. – Я на велосипеде.

Кирилл убирает телефон и говорит мне:

– Фотографии нам подготовят.

– Какие фотографии? – реагирует парень и начинает прокладывать путь меж распластанных тел к выходу с пляжа.

– В старье копаемся, – шучу я, стараясь не отставать.

– Да уж, – соглашается парень и резко останавливается. – Вам придется взять такси.

– Конечно.

– Неподалеку работает мой знакомый, он знает наш дом. Лучше он вас подвезет.

– Как скажешь.

Парень опять зашагал широким шагом, взметая огромными кроссовками сухой песок. Я семенила за ним босиком. Кирилл сурово сопел рядом, весь его облик выражал недовольство. Ехать неизвестно куда, неизвестно с кем – это нарушение всех правил безопасности и конспирации, кричали его глаза. Пришлось несколько раз на ходу провести ладонью сверху вниз по его руке. Каменная суровость на лице офицера спецслужбы оплавилась в добродушную маску.

– Ну, вот. Это Павел. Он вас подвезет вместо таксиста, – сообщил Влад, остановившись на торговой улице около лотка с поделками из янтаря. – Я помчался, компьютер пока настраю.

Павел поздоровался и предложил что-нибудь купить из сувениров. Я поняла, что роль бестолковых туристов надо играть до конца, и выбрала черепашку, напоминавшую мне

родного Пифика, только с плавниками. Сухопутных черепах на морском курорте не предлагали. Довольный продавец переговорил с соседней торговкой и повел нас к автомобилю. Минут через пятнадцать доисторический «Фольксваген» подвез нас к дачному домику.

– Если понадобится машина обратно, вы звякните, я подъеду. Влад знает мой телефон, – посоветовал Павел, принимая деньги.

Мы прошли крошечный дворик и постучали в деревянную дверь.

– Заходите! – послышалось из глубины дома.

Мы двинулись на голос. Влад сидел в тесной комнате за столом, заставленным всевозможным компьютерным оборудованием, часть которого находилась в полуразобранном состоянии.

– Вам повезло. Я отыскал винчестер со старыми фотками. – Парень кивнул на дисковод, от которого тянулся провод к открытой плате. – По-моему, здесь весь сезон сохранился. Дату помните?

– Третье июля.

– Ну, тогда нет проблем. Сейчас найду файлы... Та-ак, а вот и они. Всего двести пятьдесят четыре фото. Это в древние времена пленку экономили, а сейчас по десять фоток на физиономию, чтобы клиенту угодить. – Он открыл первую фотографию. На экране появился грустный пони с сидящим на нем радостным толстым мальчиком. Рядом, втянув жи-

ровые складки, тужилась полная женщина в шляпке. Влад обернулся и спросил: – Вы одна фотографировались?

– Нет. – Я изобразила самую ласковую улыбку, на которую были способны мои непослушные губы. – Можно, сама поищу?

– Валяйте, – согласился Влад. – Мне как раз надо несколько фоток напечатать. Только я предупреждаю, скопировать без меня не удастся. Как найдете – позовите.

Он вышел. Я села на табуретку. Кирилл изучил обстановку и пристроился за моей спиной. Я открывала фотографии, вскользь смотрела на лица на переднем плане, и пристально изучала фигурки людей на пляже. Дело шло медленно. Приходилось каждый раз увеличивать изображение, смещать кадр внутри рамки в надежде увидеть Назарова. Я помнила, что он был в плавках. Но каких? Раздетые люди так похожи. Особенно на нечетком увеличенном изображении.

– Нас интересует женщина, – подсказал Кирилл, заметив, что я сосредоточила внимание на мужских фигурах.

– Она должна быть рядом с ним. Его-то я узнаю, а вот ее...

– У нее большая... – Кирилл осекся и тут же исправился: – Ты сказала, что помнишь ее купальник.

– Смутно. Закрытый, в черных тонах.

– Вот и ищи его.

Подсказка оказалась верной. Цвет и форма купальника позволяли отсеять ненужное и сосредоточиться на отдельных участках фотографий. Процесс ускорился. Фотографии сме-

няли друг друга. Я уже прекрасно изучила философскую морду Люсьена и смогла бы его узнать среди табуна пони, но женщина в черном купальнике не попадалась.

– Вы скоро? – оторвал нас от дела Влад.

– Пока не нашли, – ответила я, закрывая очередное фото.

– А сколько просмотрели? – Влад заглянул в экран, где красовался общий список файлов. – Всего две трети. А мне уже надо уходить. Конец дня, заказчики фотографии ждут.

– Мы можем остаться?

Влад с сомнением покачал головой. Видимо, он хорошо запомнил мой бросок на пляже.

– Давайте я отвезу фотографии вашему отцу, – нашелся Коршунов. – А вы останетесь со Светланой.

– Велосипед я не дам.

– А если вызвать Павла? Я заплачу за дорогу... В оба конца.

Последний аргумент сработал. Не иначе друзья помогали друг другу сшибать бабки с отдыхающих.

Коршунов уехал. Я вновь погрузилась в события семилетней давности. Тогда я пристроилась на пляже подальше от воды, этот участок не попадал в кадр. Пляжный фотограф снимал радостные улыбки на фоне уходящей к горизонту береговой линии. Вот там, среди мелких фигурок, увеличивая их до размыва пикселей, я искала неясный образ из прошлого. Пристальное созерцание сотен фотографий породило странный эффект. Мне казалось, я ощущаю сухость пес-

ка на ногах, прохладное дуновение моря, запах сосен и вкуса пива. Грузные и стройные фигурки женщин, взмахи детских рук, обнаженные мужские торсы, приближение и перемещение кадра напоминало подготовку к выстрелу. Будто я лежу в укрытии, смотрю на мир сквозь оптический прицел и жду появления клиента. Я вижу всех, меня – никто. Глаз замыливается, но я умею ждать.

Есть! Нашла!

Первым я узнала Назарова. Он стоял по колено в воде. Рядом с ним женщина в черном купальнике с белой вставкой. Та самая, с большой грудью! Я увеличила изображение. Женщина поправляет рукой волосы и невольно закрывает лицо. Секундой до или после ее лицо должно быть открыто! Я щелкаю «мышкой», просматриваю соседние фотографии, двигаю изображение – ничего. Фотограф сместил объектив, и те, кто мне нужен, выпали из кадра.

Вот черт!

– Удивительно. Такая палитра эмоций! Я должен вас сфотографировать.

Я обернулась. Рядом улыбался фотограф и хмурился Коршунов. Фотограф суетливо расчехлил фотокамеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.